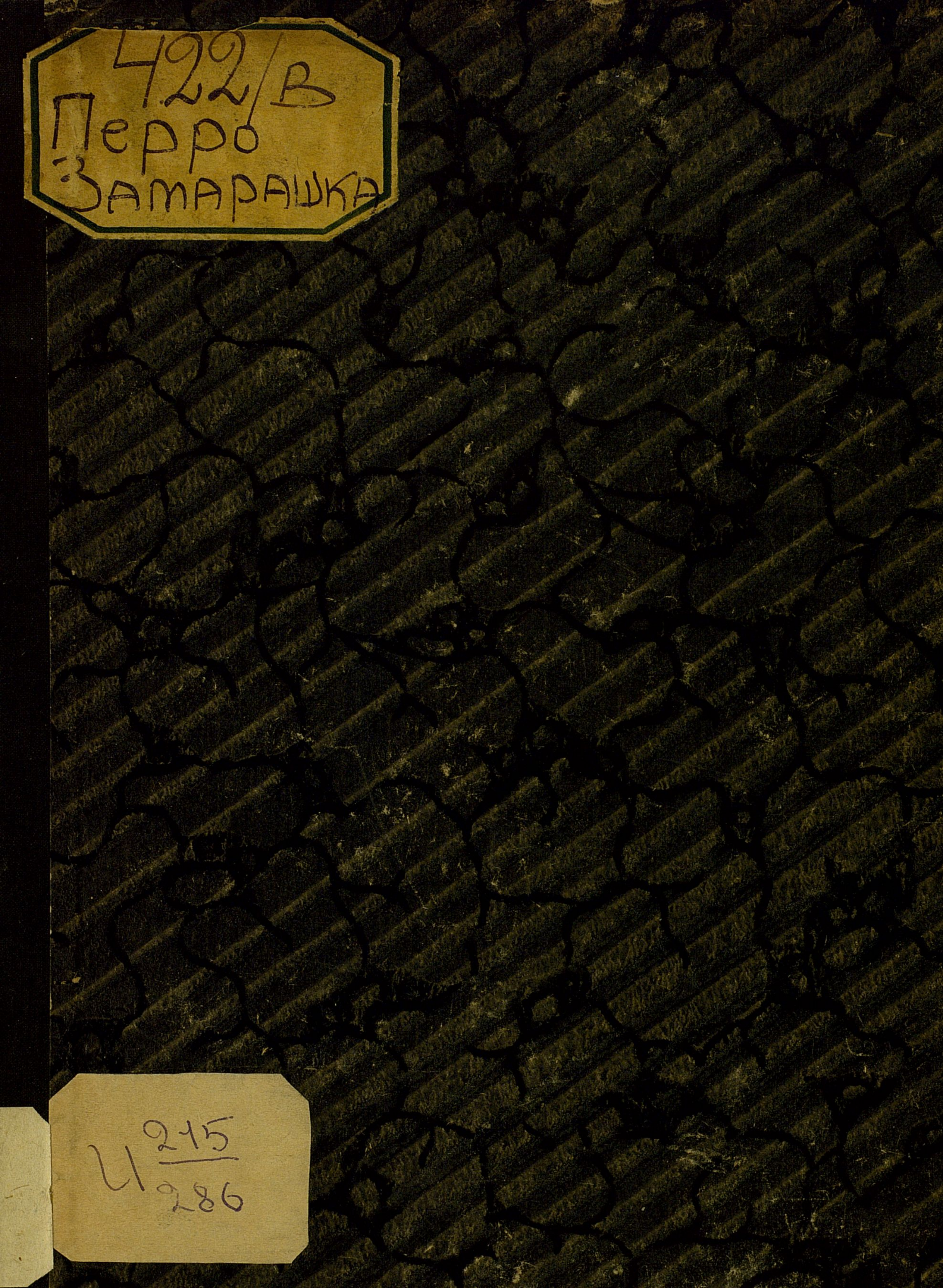
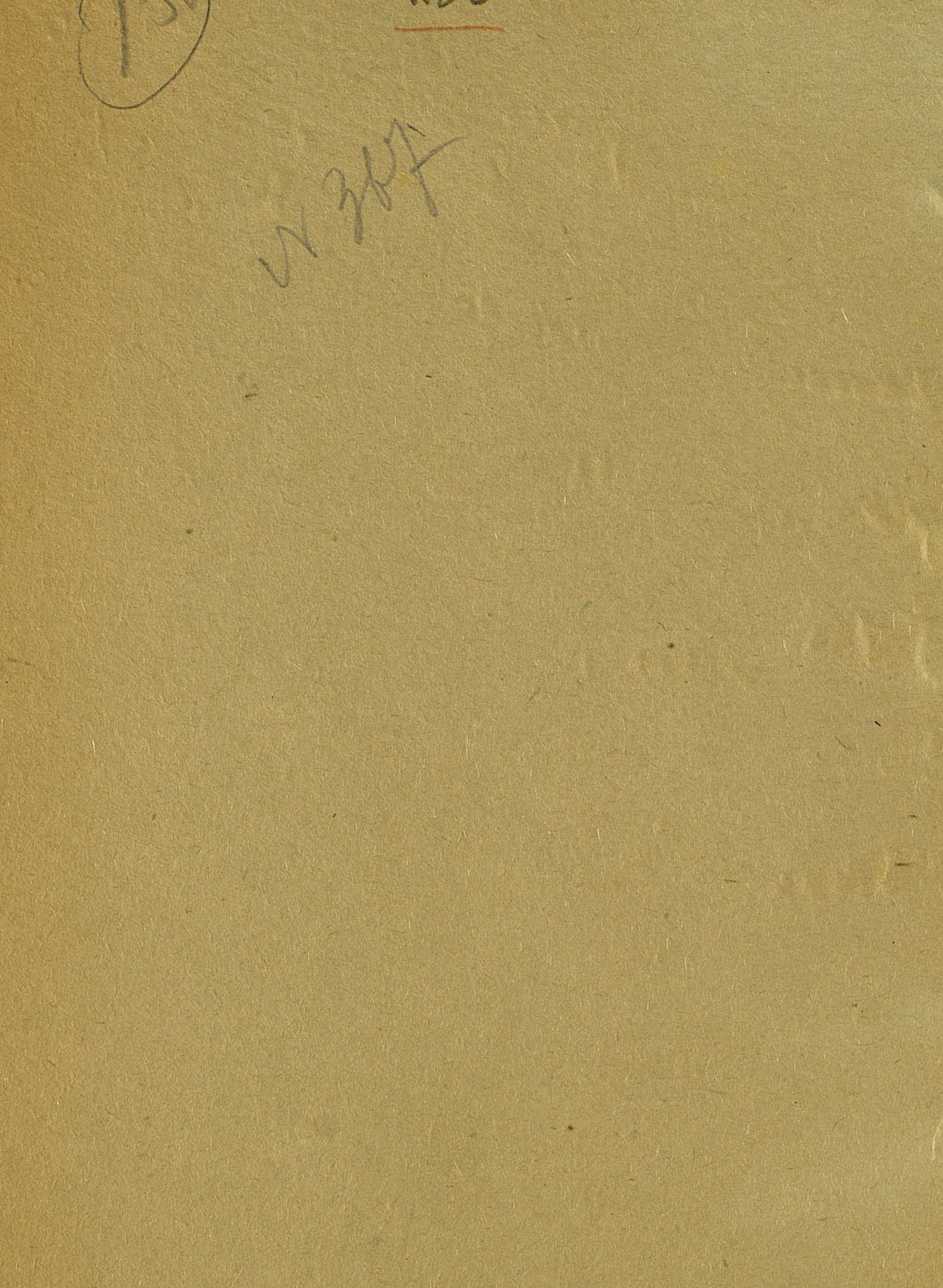
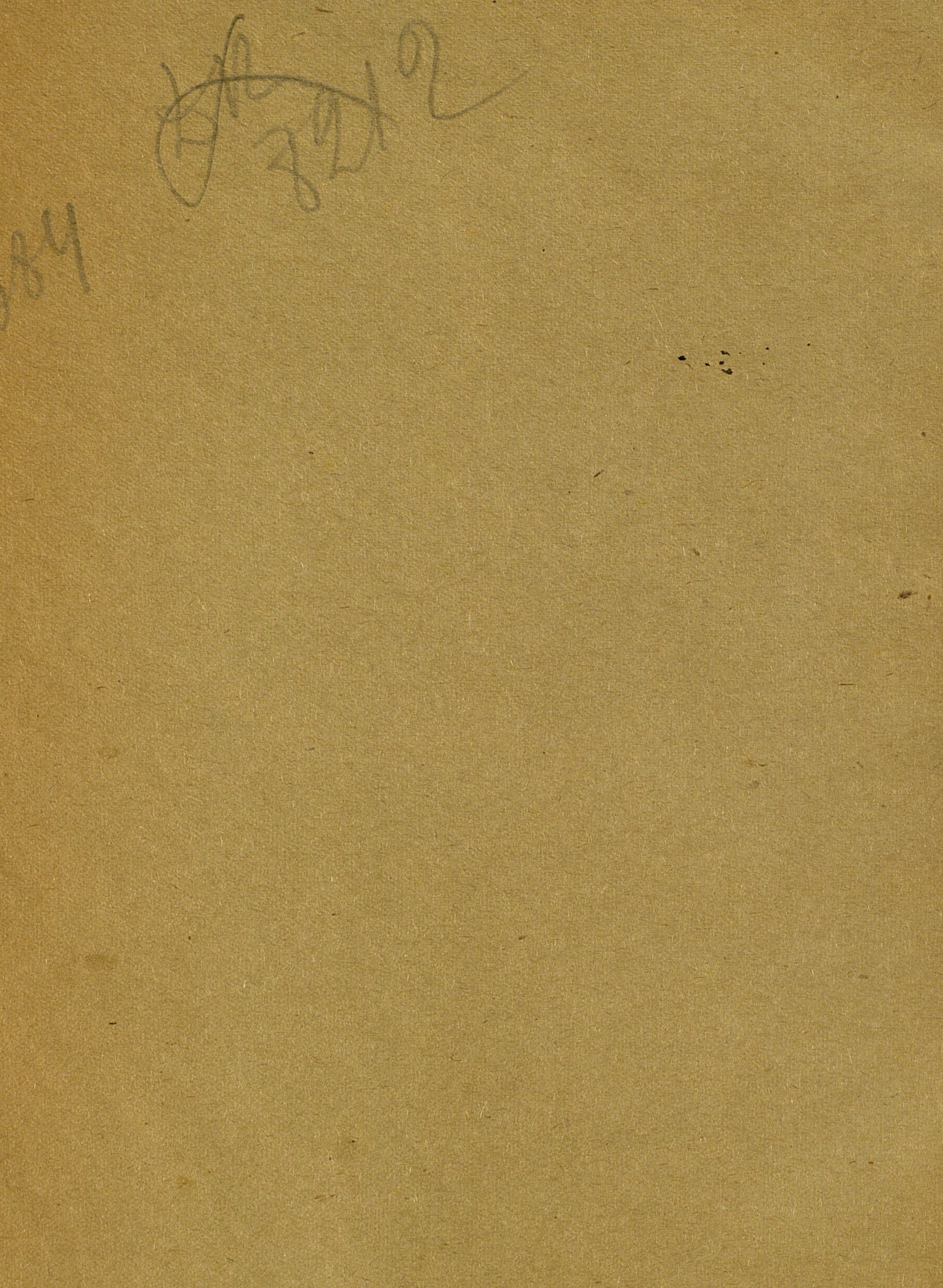

422/в
Перро
Замарашка
И 215/286

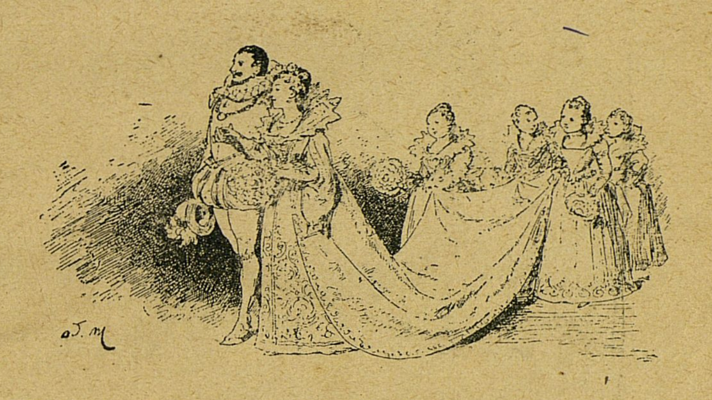

ЗАМАРАШКА

СКАЗКА ПЕРРО

Переводъ съ французскаго И. С. ТУРГЕНЕВА

Съ рисунками ГУСТАВА ДОРЕ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузнец. М., 12 и Тверская, 22

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ.

ЗАМАРАШКА.

Жилъ-былъ одинъ дворянинъ и женился онъ вторымъ бракомъ на самой гордой и самой высокомѣрной дамѣ въ свѣтѣ. Она имѣла отъ перваго мужа двухъ дочерей, которыя во всемъ на нее походили. Дворянинъ тоже имѣлъ уже дочь—доброты и кротости безпримѣрной, характеромъ далась она въ свою покойную мать, которая была рѣдкихъ качествъ.

Едва успѣли отпраздновать свадьбу, какъ мачиха уже показала свой нравъ: стала гнать падчерицу, добрыя свойства которой выказывали недостатки ея дочерей въ еще болѣе гнусномъ видѣ.

Она заставила ее справлять въ домѣ самую

черную работу. Падчерица и посуду мыла, падчерица въ покояхъ барыни и барышень и полы натирала. Спала она подъ крышей, на чердакѣ, на соломенномъ тюфякѣ, тогда какъ сестры ея жили въ комнатахъ съ паркетными полами, гдѣ стояли самыя модныя кровати и венеціанскія зеркала, которыя отражали ихъ отъ головы до пятокъ.

Бѣдная дѣвушка сносила все терпѣливо и не смѣла жаловаться отцу, который ее же разбранилъ бы, ибо жена вертѣла имъ на всѣ стороны. Окончивъ работу, она забивалась въ уголокъ камина и садилась прямо на золу, отчего ее обыкновенно звали Грязнушкой. А младшая сестра, не такая злая, какъ старшая, называла ее Замарашкой. Однако Замарашка, хоть и въ черномъ тѣлѣ, была во сто разъ прекраснѣе своихъ разодѣтыхъ сестеръ.

Однажды сынъ томошняго короля давалъ балъ и пригласилъ къ себѣ всѣхъ знатныхъ особъ. Наши двѣ барышни тоже получили приглашеніе, ибо онѣ принадлежали къ высшему кругу. Вотъ онѣ радуются, заботятся, какъ бы

выбрать къ лицу платья и уборы. Новыя хлопоты для Замарашки, потому что никому какъ ей пришлось гладить воротнички сестеръ и крахмалить рукавчики. Въ домѣ только и рѣчи, что о нарядахъ.

— Я, говоритъ старшая, надѣну красное бархатное платье съ кружевами.

— А я,—говоритъ младшая,—буду въ своемъ простомъ платьѣ, зато надѣну мантилью съ золотыми цвѣтами и брильянтовую наколку,—этакъ будетъ лучше.

Послали за парикмахеромъ, устроить похитрѣе прическу, и въ первомъ магазинѣ купили мушки для лица. Призвали къ совѣту и Замарашку, ибо знали, что у нея хорошій вкусъ. Замарашка подала имъ отличные совѣты, даже вызвалась причесать ихъ, на что сестры согласились.

За прическою онѣ и говорятъ ей:

— А что, Замарашка, хотѣлось бы тебѣ поѣхать на балъ?

— Ахъ, барышни, вы все насмѣхаетесь надо мною!—Куда ужъ мнѣ!

— Правда твоя, правда. Вотъ бы смѣху было, если бы Грязнушка да сунулась на балъ.

Другая за такія рѣчи испортила бы имъ проборъ, но у Замарашки было доброе сердце, и она причесала сестеръ на славу.—Дня два онѣ ничего не ѣли, такъ все радовались. Когда надѣвали корсеты, изорвали больше дюжины шнурковъ,—до такой степени ихъ затягивали, чтобы сдѣлать талію потоньше. И все время онѣ торчали передъ зеркаломъ.

Наконецъ блаженный день насталъ. Сестры уѣхали. Замарашка долго провожала ихъ глазами, пока можно было видѣть карету. Потомъ принялась плакать.

Крестная, увидавъ ее всю въ слезахъ, спросила, что съ нею дѣлается?

— Мнѣ хотѣлось бы.... хотѣлось бы....

Она рыдала такъ усердно, что не могла кончить.

Крестная была волшебница и говоритъ:

— Тебѣ, вѣрно, хотѣлось бы на балъ, а?

— Ахъ, да!—отвѣтила Замарашка со вздохомъ.

Крестная вычистила тыкву...

— Ну, такъ слушай; будешь умницею?—говоритъ крестная.—Я это устрою.

Она повела Замарашку въ свою комнату и говоритъ:

— Ступай въ садъ, принеси мнѣ тыкву.

Замарашка сейчасъ побѣжала, сорвала самую лучшую тыкву и принесла ее крестной, не понимая какъ это тыква можетъ ввести ее на балъ.

Крестная вычистила тыкву и, оставивъ изъ нея только одну кору, ударила ее своею волшебною палочкою: тыква сейчасъ превратилась въ отличную позолоченную карету.

Потомъ крестная пошла посмотрѣть въ мышеловку, гдѣ нашла шесть живыхъ мышей.

Она приказала Замарашкѣ немножко пріотворить дверку мышеловки и каждую мышку, которая оттуда выскакивала, трогала своею палочкою. Мышка сейчасъ обращалась въ отличную лошадь, такъ что черезъ минуту у нихъ явилась прекрасная упряжка въ шесть лошадей, цвѣта мышиной шкурки съ яблоками.

Но крестная не знала, изъ чего сдѣлать имъ кучера.

— Постойте,—говоритъ ей Замарашка,—я пойду посмотрю, нѣтъ ли въ большой мышеловкѣ крысы: мы и сдѣлаемъ изъ нея кучера.

— Правда твоя,—отвѣчала крестная,—сходи, посмотри.

Замарашка принесла большую мышеловку.— Въ ней сидѣли три огромныя крысы.

Волшебница взяла ту изъ нихъ, у которой были усы побольше, и, тронувъ ее палочкою, обратила въ толстаго кучера съ длиннѣйшими усами, какихъ никто и не видывалъ.

Потомъ она сказала Замарашкѣ:

— Ступай въ садъ, тамъ ты увидишь за колодцемъ шестерыхъ ящерицъ: принеси ихъ сюда.

Какъ только Замарашка ихъ принесла, крестная сейчасъ обратила ихъ въ шестерыхъ лакеевъ, которые сію же минуту стали на запятки и—всѣ въ галунахъ—стояли такъ, какъ будто всю жизнь свою только этимъ и занимались.

Тутъ волшебница и говоритъ Замарашкѣ:

— Ну, вотъ тебѣ экипажъ; есть въ чемъ ѣхать на балъ. Теперь ты рада?

— Конечно, рада. Но развѣ я такъ и поѣду въ этомъ скверномъ платьѣ?

Крестная только тронула ее палочкой, и въ ту же минуту платье сдѣлалось матерчатымъ, вытканнымъ изъ золота и серебра, и украсилось драгоцѣнными камнями. Потомъ крестная дала ей пару хрустальныхъ башмачковъ, самыхъ красивыхъ въ свѣтѣ.

Когда Замарашка такъ разубралась, она сѣла въ карету. Но крестная наказала ей крѣпко-на-крѣпко пуще всего не оставаться дольше полуночи, предупреждая, что, если она пробудетъ на балу одну минутку лишнюю, ея карета сдѣлается попрежнему тыквой, кони—мышами, слуги—ящерицами, а платье станетъ по-старому тряпкой.

Замарашка обѣщала крестной непремѣнно уѣхать съ бала до полуночи.

Ѣдетъ она, не чувствуя себя отъ радости.

Королевскій сынъ, которому доложили, что пріѣхала никому неизвѣстная знатная принцесса, побѣжалъ ей навстрѣчу, высадилъ ее подъ руку изъ кареты и ввелъ въ залу, гдѣ находились гости.

Тутъ наступило глубокое молчаніе: танцы прекратились, музыка перестала играть, такъ всѣ засмотрѣлись на прелести неизвѣстной красавицы. Только и слышно было, что восклицанія:

— Ахъ, какая красотка!

Самъ король, несмотря на свои дряхлыя лѣта, не переставалъ любоваться ею и все шепталъ королевѣ, что давно уже не случалось ему видѣть такой милой, такой любезной особы.

Всѣ дамы внимательно разглядывали ея головной уборъ и платье, для того чтобы завтра же заказать подобные наряды и себѣ, если только найдется такая богатая матерія и попадутся такіе искусные мастера.

Королевскій сынъ посадилъ Замарашку на самое почетное мѣсто и потомъ пригласилъ ее танцовать. Она танцовала съ такою ловкостью, что гости удивлялись ей еще больше.

G. Doré

J. Lachien Sc.

Всѣ такъ и засмотрѣлись на прелести неизвѣстной красавицы..

Подали отличное угощеніе, но королевичъ и не дотронулся до него, такъ онъ былъ занятъ неизвѣстной красавицей.

А Замарашка подсѣла къ сестрамъ и осыпала ихъ любезностями: она подѣлилась съ ними апельсинами и лимонами, которые поднесъ ей принцъ, что ихъ очень удивило, ибо сестры ея не узнали.

Пока онѣ разговаривали промежъ собою, Замарашка слышитъ—бьетъ одиннадцать часовъ и три четверти: она сейчасъ сдѣлала компаніи книксенъ и поскорѣе отправилась во-свояси.

Возвратившись домой, Замарашка сію же минуту пошла къ крестной и, поблагодаривъ ее, сказала, что ей хотѣлось бы и завтра побывать на балу, потому что королевичъ просилъ ее пріѣхать.

Въ то время, какъ она разсказывала крестной про балъ, въ дверь постучались сестры. Замарашка побѣжала отворять.

— Какъ вы долго не возвращались!—сказала она, протирая глаза и потягиваясь, какъ будто только-что проснулась.

А ей спать еще даже и не хотѣлось!

— Если бы ты была на балу,—сказала одна изъ сестеръ,—тамъ бы ты не соскучилась. На балъ пріѣзжала принцесса такой красоты, такой красоты, что никто еще и не видѣлъ! Она осыпала насъ любезностями, угостила насъ апельсинами и лимонами.

Замарашка не чувствовала себя отъ радости. Она спросила сестеръ объ имени принцессы, но тѣ отвѣчали, что никто ея не знаетъ, что королевскій сынъ очень огорченъ этимъ и что онъ не пожалѣлъ бы ничего на свѣтѣ лишь бы узнать, кто она такая.

Замарашка улыбнулась да и говоритъ:

— Такъ вотъ какая красавица! Господи, какія вы счастливыя! Нельзя-ли и мнѣ на нее посмотрѣть? Ахъ, старшая барышня, дайте мнѣ ваше желтое платье, что вы носите по буднямъ.

— Неужели!—отвѣчала старшая сестра,— вотъ прекрасно! такъ я сейчасъ и дамъ свое платье скверной Грязнушкѣ! Вотъ нашла дуру!

Замарашка ожидала отказа и была ему

очень рада, потому что она очутилась бы въ большомъ затрудненіи, если бы сестра согласилась одолжить ей свое платье.

На другой день сестры опять поѣхали на балъ, и Замарашка тоже, только она была еще наряднѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Королевскій сынъ все время ухаживалъ за нею и не переставалъ говорить ей комплименты.

Молодая дѣвушка не скучала и совсѣмъ позабыла приказаніе крестной, такъ что уже начало бить полночь, когда, по ея расчету, еще не должно бы быть и одиннадцати часамъ. Она встала и убѣжала съ такою легкостью, съ какою бѣгаетъ лань.

Принцъ погнался за нею, но не догналъ.

На бѣгу Замарашка сронила съ ноги одинъ изъ своихъ хрустальныхъ башмачковъ: принцъ старательно его поднялъ.

Замарашка прибѣжала домой вся впопыхахъ, безъ кареты, безъ лакеевъ, въ своемъ скверномъ платьѣ. Отъ всей недавней роскоши у

нея остался только одинъ хрустальный башмачекъ, пара тому, что она сронила.

Принцъ спросилъ у часовыхъ при дворцовыхъ воротахъ, не видали-ли они принцессу? Часовые отвѣчали, что видѣли лишь молодую, дурно одѣтую дѣвушку, похожую скорѣе на мужичку, чѣмъ на барышню.

Когда сестры возвратились съ бала, Замарашка спросила ихъ, хорошо-ли онѣ веселились и пріѣзжала-ли опять неизвѣстная красавица?

Онѣ отвѣчали, что пріѣзжала, но въ полночь убѣжала и съ такою поспѣшностью, что сронила съ ноги одинъ изъ своихъ хрустальныхъ башмачковъ, красивѣе которыхъ нѣтъ на свѣтѣ; что королевскій сынъ поднялъ этотъ башмачекъ, что во весь конецъ бала онъ все на него смотрѣлъ и что онъ навѣрное влюбленъ въ красавицу, которой принадлежитъ башмачекъ.

Сестры говорили правду, ибо немного дней спустя королевскій сынъ приказалъ оповѣстить при трубныхъ звукахъ, что онъ возьметъ за себя ту дѣвушку, чья ножка придется по башмачку.

Башмачекъ пришелся ей какъ разъ впору...

Начали его примѣрять: сперва принцессамъ, потомъ герцогинямъ и остальнымъ придворнымъ дамамъ, но все напрасно.

Принесли его и къ сестрамъ: каждая изъ всѣхъ силъ старалась втиснуть ногу въ башмачекъ, но не смогла.

Замарашка, которая была при этомъ и узнала свой башмачекъ, вдругъ и говоритъ со смѣхомъ:

— Давайте, и я посмотрю, не придется-ли онъ на мою ногу.

Сестры принялись хохотать и насмѣхаться надъ нею.

Придворный, который примѣрялъ башмачекъ, внимательно поглядѣлъ на Замарашку и, находя ее очень красивою изъ себя, сказалъ, что, конечно, такъ и слѣдуетъ сдѣлать и что ему приказано примѣрять башмачекъ всѣмъ дѣвушкамъ безъ исключенія. Онъ усадилъ Замарашку и когда поднесъ башмачекъ къ ея ножкѣ, то увидѣлъ, что ножка входитъ въ него безъ труда, и башмачекъ приходится ей какъ разъ впору.

Сестры очень удивились; но онѣ еще больше

удивились, когда Замарашка вынула изъ кармана другой башмачекъ и надѣла на другую ножку.

Тутъ подошла крестная и, тронувъ палочкою платье Замарашки, превратила его въ нарядъ, еще болѣе роскошный, чѣмъ въ прежніе разы.

Тогда сестры узнали въ ней ту самую красавицу, которую видѣли на балу. Онѣ бросились къ ея ногамъ, прося извинить за дурное обращеніе, которое она отъ нихъ выносила.

Замарашка подняла ихъ и, обнимая, сказала, что прощаетъ ихъ отъ всего сердца и проситъ всегда ее любить.

Послѣ того ее повели во всемъ нарядѣ къ молодому принцу.

Она понравилась ему еще больше прежняго, и черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались.

Замарашка, которая была столько же добра, сколько красива, помѣстила своихъ обѣихъ сестеръ во дворецъ и въ тотъ же самый день выдала ихъ за двухъ знатныхъ царедворцевъ.

